

ственного стиля. В обоих этих случаях мы видим как бы обратную зависимость: чем больше требуется усилий для одного, тем меньше оказывается необходимым другое.

Народное эстетическое сознание и эстетическое сознание эпох существования великих стилей живет во внутреннем единстве, и, следовательно, апперцепция в нем расходуется на схватывание стилеформирующих элементов, хорошо знакомых, которые вследствие этого даются неполно, иногда «неряшливо», с эстетическими недоговоренностями. В новое время развивается огромное количество отдельных стилей, появляются индивидуальные стили писателей и художников, и эти последние в свою очередь начинают различаться от произведения к произведению. Поэтому эстетическая апперцепция действует по преимуществу по линии своего подключения к новому стилю, овладению его принципами, и эти принципы проводятся последовательно, точно, отчетливо.

* * *

XVIII век с точки зрения развития судеб великих стилей значителен тем, что в нем отчетливее всего сказался переход от моностилевой системы искусств, и в частности литературы, к полистилистической. Последняя явилась важным этапом перехода к преобладанию в искусствах индивидуальных стилей. Русский XVIII век характерен тем, что этот переход отличался ускоренным характером: к XVIII веку вплотную подступала средневековая система искусств — система, которая разрушалась, но еще не была разрушена в XVII в.

Классицизм, как показал Г. А. Гуковский в своих ранних работах, ограничивал индивидуальное начало; в нем не было еще развитого представления об авторской собственности и стремления к выработке индивидуальных стилей. Но все же, если смотреть на классицизм не из нового времени, а из средневековья, то необходимо признать, что индивидуальное начало было в нем больше развито, чем в XVII в. То же можно сказать и о барокко XVIII в. сравнительно с барокко XVII в.

Но вот что важно. Длительное соединение и даже в какой-то мере смешение барокко и классицизма (оно было особенно характерно именно для русского XVIII века) создавало благоприятные условия для развития многостилевой системы искусства и для дальнейшего роста в нем индивидуального начала. Соединения и смешения были разнообразны, сочетания получались неповторимыми и крайне «острыми».

Необыкновенно интересны и, я бы сказал, трогательны архитекторы и живописцы, которые, перейдя во второй половине XVIII в. к классицизму, сохранили в своих произведениях элементы рококо. К таким своеобразным классикам я отношу, например, Ринальди, чей Мраморный дворец в Ленинграде может быть причислен к шедеврам мировой архитектуры, если не требовать от шедевров как чего-то обязательного абсолютно чистого выра-